

Дарья Вольская

Любовь
не по статусу

Дарья Вольская

Любовь не по статусу

«Литнет»

2026

Вольская Д.

Любовь не по статусу / Д. Вольская — «Литнет», 2026

Ясмина Каримова приехала в Москву в поисках лучшей жизни. Без связей и с чемоданом проблем. Судьба преподнесла девушке подарок — высокооплачиваемую работу.. Правда, забыла предупредить, что к подарку прилагается Кирилл Ветров — миллионер, человек, который не терпит ошибок и привык контролировать всё. Яркая и взбалмошная Ясмина никак не вписывается в его систему. А строгий и черствый Ветров — в её планы. Но всё меняется, когда Ясмина находит подход к его дочери — сложному подростку, который давно не подпускает к себе никого. И то, что начиналось как работа, постепенно становится чем-то большим. Сможет ли Ясмина растопить сердце Ветрова, научить его любить, и главное — принять его прошлое?

© Вольская Д., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	32
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава 1

В Ташкенте меня называли «русской» из-за акцента, в Москве я — «узбечка» из-за паспорта. Своя среди чужих, чужая среди своих.

Москва... Когда-то она снилась мне каждую ночь. Я знала ее наизусть по гляцевым журналам, которые тетя Диляра привозила из командировок. Огни Тверской, зеркальные башни «Сити», черные лимузины у Большого театра. Я представляла, как выхожу из такой машины — в длинном платье и на шпильках, от которых ноют ступни, но я и виду не подаю.

Девчонка из Ташкента в московском пентхаусе. Звучало как анекдот, но я в него верила. Реальность оказалась совсем другим анекдотом.

Теперь я в Москве. Точнее, в Люберцах, и разница здесь примерно такая же, как между центром Ташкента и каким-нибудь Ахангараном. Но я все равно здесь. Мечта не выбирает, на каком пустыре ей сбываться.

— Ясмина!

— А? — Я вздрогнула, отрывая взгляд от жирных разводов на стойке. Мокрая тряпка в руке успела остыть, пока я витала в облаках.

Лицо Зухры расплылось в довольной улыбке. Она — моя лучшая подруга и, пожалуй, единственный человек в этом городе, которому я доверяю на все сто.

— Твоя очередь в мужском убирать, — говорит Зухра, на секунду перестав махать веником.

— Господи. Да знаю я, знаю, — мой голос звучит резче, чем хотелось бы.

Вот интересный факт о пивнушках в Люберцах: это обычные заведения, где собираются суровые мужчины. После нескольких литров пива они чувствуют себя хозяевами жизни. Названия этих мест могут звучать благородно, но состав посетителей везде одинаков.

Я обвела взглядом троих парней у стойки. Рабочая одежда в пыли — строители с соседней площадки. До дресс-кода тут никому нет дела; главное правило дяди Рустама — «чтобы без полиции». И то, подозреваю, это просто пожелание, а не закон.

Руслан, Жaxonгир и Шерали — постоянные клиенты «Старой крепости» — крошечного люберецкого бара, где мы с Зухрой торчим последние три месяца. Славные ребята, всем под тридцать. Улыбаются мне, не скрывая симпатии. У каждого — по третьей кружке за вечер, и я знаю: в туалете они оставили мне «поле боя». Они знают, что я знаю, и это наш негласный договор.

Каждый вечер они сидят на одних и тех же табуретах. Никаких перемен: те же лица, те же напитки, те же разговоры.

Я вот одного не пойму: какой смысл был тащиться в Люберцы, если ты каждую ночь сидишь в такой же грязной пивнушке, с теми же земляками и пьешь то же самое дешевое пиво, что и дома?

Я не такая. Я хотела жить в Москве сколько себя помню. Не на этих пыльных окраинах, а в самом сердце. Чтобы вышагивать по Тверской на каблуках и ловить такси взмахом ухоженной руки.

В реальности же, с тех пор как мы переехали три месяца назад, девяносто пять процентов времени я провожу в баре у дяди Рустама. Ругаюсь с Зухрой из-за того, чья очередь менять кегу или травить тараканов. Ношу старые кроссовки, потому что «Лабутены» — это слово из красивой сказки, а не из моей зарплаты. Да и если бы я их каким-то чудом купила, то в местной грязи ходила бы в них как пингвин на льду.

Но остаются те самые пять процентов. Короткие мгновения, когда я краем глаза ловлю ту самую — настоящую, блестящую жизнь. Ту, ради которой все это затевалось. Она для меня бесценна.

Как, например, этот мужчина, который только что вошел в бар. По нему сразу видно — он из другого мира. Из тех пяти процентов.

На вид ему было явно за пятьдесят, одет в дорогой темно-синий костюм. В наших краях в пиджаках заходят либо на свадьбу, либо на похороны. Дядя Рустам позиционирует свое заведение как «европейское кафе», но на деле здесь нет никаких сомелье или винных карт в кожаных переплетах. Сам дядя Рустам родом из Ферганы, и «столичного ресторатора» он изображает из себя последние лет двадцать.

Мужчина был из тех, от кого моя мама пришла бы в восторг. И бабушка Ойша тоже. Не знаю, неужели усы и зачесанная набок лысина начинают казаться привлекательными в определенном возрасте? Можете считать меня поверхностной, но это совсем не то, что я хотела бы видеть рядом с собой в постели.

Я прямо физически почувствовала момент, когда запах скисшего пива и застарелого мужского пота ударил ему в ноздри.

Зухра перестала мести пол и уставилась на гостя, а потом обернулась ко мне с круглыми, как блюдца, глазами. Я только закатила глаза, когда она торопливо шмыгнула за стойку. Если бы он орал на весь зал: «Угощаю всех!», и то ее заинтересованность не была бы такой явной.

Он брезгливо оглядел наш «интерьер»: шарфы «Спартак» и ЦСКА на стенах, узбекские тюбетейки вперемешку с какими-то дешевыми картинками разных видов страны, дорожные указатели, сообщающие, сколько километров до Ташкента и до Красной площади. Это была фишка дяди Рустама: забить каждый сантиметр напоминаниями о двух родинах сразу.

— Девушка, — обратился он ко мне, подходя к стойке и внимательно следя за тем, чтобы его дорогие рукава не коснулись липкой поверхности.

Я натянула свою самую профессиональную улыбку. Тратить ее на Руслана, Жaxonгира или Шерали было бесполезно, а тут — случай особый.

— Здравствуйте. Что будете заказывать?

— Какое у вас есть вино?

— Красное, — я сделала паузу, — или белое.

Он замер, видимо, решив, что я шучу.

— У нас по одному виду каждого. Домашнее, в графинах. Понимаете, у нас тут не винный бутик, — добавила я с легким вызовом в голосе. Коснулась взглядом Зухры, ища поддержки. А он чего ожидал в Люберцах?

— Простите.

— Зато у нас отличное разливное! Есть свежее темное, прямо как в лучших домах! — вклинилась Зухра с диким преувеличением. Мы обе прекрасно знали, что у нас на краях всего пара видов самого обычного лагеря.

Господин Костюм тяжело вздохнул, его пухлые щеки смешно раздулись.

— Тогда... темного. Большой бокал.

— Сию минуту!

Я достала с полки высокий бокал, наклонила его под краном и краем глаза продолжала следить за гостем. Что он тут забыл? Видимо, день выдался совсем паршивый, раз он так хочет выпить, что не может дотерпеть до Садового кольца и нормального ресторана в центре.

Не то чтобы в Люберцах не водилось хорошего вина, но дядю Рустама гурманы не интересовали. Его «бистро» поило пивом мужиков, которые смотрят футбол и спорят о ценах на арматуру. Вино здесь заказывали только в одном случае — если хотели быстро и надежно забыться.

Я называю Рустама дядей, потому что мы с Зухрой дружим с пеленок. Наши матери вместе сидели в очереди в ташкентскую поликлинику, когда мы были еще грудными.

— Тяжелый день? — спросила я, стараясь не пялиться, пока тянула рычаг крана.

Мужчина только что-то неопределенно промычал в ответ.

Я понимающе улыбнулась. Это наш барменский код: «В душу не лезу».

Мы помолчали, пока осела пена. Я долила бокал до краев и аккуратно поставила перед ним.

— Прошу. Свежее, холодное.

На самом деле бармен из меня так себе. В Ташкенте я на мебельной фабрике шкафы собирала, а не пиво разливала.

— Благодарю, — в награду я получила сухую улыбку и платиновую карту с золотым тиснением.

Забрав бокал, Господин Костюм еще раз оглядел компанию работяг у стойки и ушел к самому дальнему, пустому столику у окна. Зухра разочарованно надула губы. Сидеть у стойки — значит быть готовым к разговору, а уйти в угол — это как повесить табличку «Не беспокоить».

— Как думаешь, что такого важного дядю занесло в нашу дыру? — шепотом спросила она.

Мой взгляд снова скользит к незнакомцу. Нога на ногу, лодыжка на колено. Темные брови сведены, он хмуро смотрит в телефон, лежащий на бедре.

— Родственников навещает в Люберцах? — предполагаю я шепотом.

Зухра с сомнением тянет:

— Может, любовница в Люберцах.

Я усмехаюсь:

— Может, ищет любовницу в Люберцах.

Руслан прочищает горло.

— Еще одну, Ясмина. Когда будет удобно.

Его голос звучит с нарочитой хрипотцой. Ловит мой взгляд и смотрит не мигая.

Это дурацкое напряжение — все потому, что Руслан видел меня голой. Ну, не совсем голой, но все, что нужно, — точно. Пару недель после переезда у меня случилась овуляция, гормоны перли, он показался неплохой идеей. Теперь, когда я смотрю на Руслана, я вижу этот блеск в глазах: он хочет на мне жениться и сделать десять детей. И даже если, прищурившись, он отдаленно напоминает нового Супергероя — я знаю, что меня ждет пожизненная миссионерская позиция.

Вот уж нет.

— Сию минуту, — обрываю его томный взгляд. Хватаю бокал, тяну рычаг и наслаждаюсь тишиной. Через час паб набьется под завязку.

— Рад, что ты остаешься, — хрипло говорит он. Руслан из Ташкента, как и я, его говор мягче, тягучее, чем мой. Когда-то это придавало его стонам особый шарм.

В груди поднимается паника, сердце отбивает чечетку.

Остаюсь ли я?

Вчера мой мир рухнул. «Узбекский сервис по трудоустройству» сообщил: семья Каримовых, узбеки третьего поколения, во мне больше не нуждается. Я должна была стать гувернанткой их дочери-подростка — прививать девочке любовь к корням.

Оказалось, агентство из Таджикистана предложило цену ниже. Родные корни против экономии — экономия победила. Каримовы были моим билетом в легальную Москву.

Узбекское везение, чтоб ему пусто было.

— У меня билет в Ташкент на следующей неделе, — говорю я упавшим голосом.

Руслан ерзает на барном стуле, ножки со скрежетом царапают пол. Выглядит почти так же убито, как я себя чувствую.

Через семь дней моя московская мечта закончится. Регистрация купила мне девяносто дней, и мои песочные часы пусты. Мы с Зухрой нахально устроились сюда за наличные, чтобы продержаться.

Позиция гувернантки была единственной возможностью получить разрешение на работу и остаться в Москве легально.

— Э, — морщится он. — Да мы все в одной лодке. Ни у кого из нас нет регистрации. Нормально все будет. Не обязательно уезжать.

Я не хочу быть как ты, Руслан.

— Да ладно, Рустам тебе сколько угодно работы даст, — встречается Жахонгир, тоже из Ташкента, смотрит на меня с легким укором. — И у тебя же эта... растяжка по субботам в парке. Чего еще надо?

Я не хочу, чтобы единственным вариантом была уборка сортиров в «Старой крепости». И да, я люблю вести свою маленькую йога-группу по субботам в Измайловском парке, но это хобби, а не работа. Пара тысяч «на чай» от состоятельных дам — не в счет.

«Йога с Ясминой». Звучит восточно-загадочно. Люди ждут от меня мантр и веганских рецептов, а получают ташкентский говорок и умение стоять на голове после пяти лет тренировок.

Если я останусь нелегалкой — это будет мой потолок.

Но... я не могу уехать. И я не уеду.

Смотрю на крошки от кренделей, рассыпанные по футболке Жахонгира, и делаю глубокий вдох. Потом натягиваю улыбку. Говорят, если улыбаться — мозг обманывается и начинает верить, что все хорошо.

— Ничего страшного. Читала в интернете: к две тысячи тридцатому году из-за глобального потепления Ташкент будет лучшим городом для жизни в Средней Азии.

— Кончай эту чушь. Ты снова в листе ожидания в агентстве, — обрывает меня Зухра. — Найдется работа.

Зухра зарывает голову в песок. Если честно, я тоже. Омоновцам придется тащить меня в аэропорт в смиренной рубашке — я не собираюсь покидать московскую землю добровольно.

У Зухры — золотые гены. Хотя она выросла рядом со мной в Ташкенте, у нее есть тетка в Москве, прописавшая ее в своей квартире. Это позволяет ей оставаться легально. Никогда в жизни я так не ненавидела свою никчемную, вечно отсутствующую, узбекскую родню без московской прописки.

— Вряд ли. — Я вздыхаю, досыпая крендельки в миску. — Они не найдут другую семью за такой срок. Я им сказала: буду нянчить самого дьявола за десять тысяч, лишь бы получить работу в ближайшие семь дней.

Я в полной жопе, мягко говоря. Я названиваю в агентство так часто, что они уже наверняка подумывают о заявлении в полицию. Но это мой единственный шанс.

— Все пучком будет, Ясмина, — тянет заплетающимся языком Шерали, скалясь в улыбке. — Без паники.

«Все пучком» — такое же бесполезное выражение, как моя узбекская прописка в Москве. Если я не сяду в тот самолет в понедельник, меня ждет депортация и жизнь в бегах от полиции.

Ни хрена себе пучком!

Эти парни не понимают. Они живут нелегально годами и ни разу не попались. Но они же сидят в собственной московской тюрьме. Или то, или другое. Узбекистан или Россия. Если они сядут на самолет домой — обратного пути не будет, на границе поставят штамп и больше не впустят.

Вот почему все, что они делают, — говорят о том, что происходит в Ташкенте.

Я не хочу такой московской мечты.

— Если так паришься, сделай как все, кто хочет легализацию, — говорит Жахонгир, запихивая в рот крендельки и жуя с открытым ртом. — Найди кого-нибудь, кто женится. Ты красивая девушка, без проблем найдешь.

Улыбка Жахонгира становится шире, он поворачивается на сто восемьдесят градусов на своем стуле.

Господин Костюм ловит его взгляд и поднимает бровь.

Я каменею. *Нет, Жахонгир. Не начинай эту игру.*

— Э, дядя! — орет Жахонгир через весь паб. — Не ищите молодую узбекскую жену? Она очень гибкая, очень...

— Жахонгир! — Я дергаю его за рукав. Руслан рычит, приказывая заткнуться.

Мой взгляд встречается с Господином Костюмом, и щеки вспыхивают.

— Не обращайтесь внимания.

Он выглядит раздраженным.

— Если бы я искал жену, этот паб был бы последним местом в Москве, где я стал бы ее искать.

Хамло.

— Все хорошо. — Улыбаюсь тонко, а внутри все переворачивается. *Я бы за тебя тоже не пошла, приятель.*

Господин Костюм отвечает тенью улыбки и возвращается к телефону.

— Назовем брак со случайным мужиком планом «Цэ», — говорит Зухра с нарочитой бодростью. — Найдем другой вариант.

Я глотаю ком в горле, стараюсь не разреветься. Это только Зухру расстроит. У меня нет вариантов. Все яйца лежали в корзине «Узбекского сервиса».

Мы с Зухрой перебрали все, но жизнеспособных решений не нашли.

А) Заявить, что мой отец — какой-нибудь мертвый москвич.

Б) Украсть паспорт покойника.

В) Выйти замуж за москвича. Желательно не за лысеющего дядьку с зачесом.

— Буду пить паршивое пиво дяди Рустама ближайшие семь дней, чтобы забыть о своем отъезде, — говорю я, пытаюсь обратить все в шутку.

— Нет! — заходится она. — Ненавижу этот план. Парни правы. Ты можешь остаться. Тут полно нелегалов.

Я устало вздыхаю, отвожу глаза. Мне надоело ходить по кругу с одними и теми же разговорами. Остаться нелегалкой — значит всю жизнь оглядываться через плечо. А бабушке Ойше уже под восемьдесят, хоть она и утверждает, что ей сорок два. Я себе не прощу, если не смогу вернуться... если потеряю ее.

— Еще бокал темного пива, пожалуйста. — Сухой голос из угла застает меня врасплох.

— Сию минуту.

Наливаю вторую кружку Господину Костюму, а Зухра выходит из-за стойки — переставлять стулья. Когда мало посетителей, она как ребенок, которому нечем заняться.

Подхожу к его столику, ставлю бокал.

— О боже, — шепчет Зухра, припадая носом к стеклу. — Ясмина! ФСБ!

— Что? — Я заглядываю через ее плечо, щурясь от солнца.

— Может, братва! — Зухра аж подпрыгивает от возбуждения.

— Это водители, — раздается низкий голос. — Мои водители.

Я вскидываю глаза на столик в углу. Господин Костюм чуть заметно усмехается.

— А. — *Зачем кому-то два водителя? На случай, если одного подстрелят?* — Э-э... Кем вы работаете?

— Я работаю на Кирилла и Константина Ветровых.

Я смотрю на него непонимающе.

Одна бровь ползет вверх — его забавляет мое невежество.

— Братья Ветровы. Крупнейшая сеть отелей в России. «Отели Ветровых».

Ах, вот оно что.

Киваю, перехватываю взгляд Зухры. Мы скорее на Марс слетаем, чем поселимся в одном из этих отелей. Однажды я забежала в туалет в их отеле на Тверской. Общественные уборные были такими роскошными — я чувствовала себя как в спа.

— Откуда вы?

— Из Узбекистана, — отвечаем с Зухрой хором.

— Из Ташкента, — уточняю я. — Там, где плов пахнет так, что с ума сойти.

— И как давно вы в Москве?

— Почти три месяца.

— Я тоже! — встревает Зухра рядом.

Теперь он оглядывает меня с ног до головы.

— Насколько я понимаю, вы работаете нелегально, без патента.

— Н-нет, — заикаюсь я, скрещивая руки на груди. — Это была шутка.

— Расслабьтесь. Мне все равно.

Я выдавливаю нервный смешок. Он слышал весь наш разговор, какой смысл отрицать.

— У вас есть парень?

Я деревенею, прищуриваюсь.

— Я не ищу московского мужа ради регистрации.

Или ищу?

Он поджимает губы.

— Вы мне не интересны, дорогуша. — Пауза, и снова оценивающий взгляд. — У меня может быть для вас работа. Ясмина, верно? — Он указывает на стул напротив. — Я Марк. Присядьте.

Глава 2

— Очень приятно, Марк.

Я пожала протянутую руку, не сводя с него настороженного взгляда, и опустилась на стул напротив.

— Так что там за работа? — перешла я сразу к делу.

Он откинулся на спинку стула, поправил безупречный галстук и лениво улыбнулся.

— Прошу прощения за спешку. Еще раз — очень приятно, Ясмينا. Расскажите немного о себе.

Я невольно сжала челюсти. Терпеть не могу откровенничать с незнакомцами, но если есть хоть мизерный шанс, что у этого типа есть реальное предложение... придется подыграть.

Я мельком оглянулась на парней и Зухру. Она уже вернулась за стойку и изо всех сил изображала бурную деятельность, хотя по ушам было видно — ловит каждое слово. Руслан из-за своего столика сверлил меня взглядом, мрачнее тучи.

Я снова посмотрела на Марка. Что ж, Марк. Мне почти двадцать пять. В моем багаже — прогоревший бизнес в Ташкенте, депортация родителей и полное отсутствие веры в принцев на белых «Мерседесах».

— Да рассказывать особо нечего, — я пожала плечами. На собеседованиях я всегда чувствовала себя как на допросе. — Подрабатываю здесь в кафе, пока пытаюсь легализоваться в Москве. Вообще-то по специальности я столяр-краснодеревщик. В Ташкенте работала на мебельной фабрике, потом делала столы и шкафы на заказ. Перед отъездом у меня даже была своя небольшая мастерская.

Его брови удивленно поползли вверх.

— Столяр? Ни за что бы не подумал.

Я криво усмехнулась. У меня нет диплома МГУ, и я не могу похвастаться знанием пяти языков, но я горжусь тем, что умею делать руками. И спина у меня прямая не от хорошей жизни, а от привычки таскать доски.

— Кому в Москве нужна регистрация для столяра из Узбекистана? — горько добавила я. — Здесь своих мастеров хватает.

— Но я слышал, вы искали место няни или помощницы по дому?

— Да. — Я кивнула. — В московских семьях часто ищут помощниц из Средней Азии. Так проще договориться о патенте и проживании. Это мой единственный способ получить нормальное разрешение на работу.

Я тяжело выдохнула. В этой стране я не мастер по дереву. Я — «рабочая сила».

— Вы с детьми ладите? — продолжал он свой допрос.

— Думаю, да. У меня три младших брата, я их практически на ноги поставила. Мама вечно была на двух работах, отец ушел, когда я еще в школу ходила. Так что готовить, стирать и следить за порядком я умею с детства.

Марк удовлетворенно кивнул. Похоже, ответ ему понравился.

— Готовить умеете?

— На кулинарную премию не претендую, но голодным никто не останется. Плов, самса, супы... Ну и обычную русскую кухню освоила.

— Наркотики? Алкоголь?

Я фыркнула, уже не скрывая раздражения. Этот мужик издевается или всерьез?

— Нет. Я работаю по двенадцать часов в сутки, мне некогда расслабляться.

— Сколько пьете в неделю?

— Слушайте, хватит допросов. Говорите уже, что за работа.

Мой новый знакомый улыбнулся — на этот раз шире.

— Моему нанимателю нужна помощница по хозяйству с функциями няни. Жилой дом в хорошем районе.

Я нахмурилась.

— И что конкретно нужно делать?

— Присматривать за дочерью в его отсутствие, готовить, убирать, выполнять мелкие поручения по дому. Позиция временная, на несколько месяцев, но нужно приступить немедленно.

То есть все-таки прислуга.

— Горничная, значит? — уточнила я. — Няня-горничная в одном флаконе?

Он неопределенно повел плечом.

— В каком-то смысле — да.

Я с сомнением покачала головой.

— С чего вы взяли, что я справлюсь? Вы ведь меня совсем не знаете.

Улыбка Марка стала почти сочувственной. Его совершенно не пугал мой колючий тон.

— Потому что вы отнесетесь к этой работе максимально серьезно. У меня на таких людей чутье.

Я поняла его без слов. Перевод был простой: «Я вижу, что ты в отчаянии. Тебе так сильно нужно зацепиться в Москве, что ты будешь в лепешку разбиваться, лишь бы не потерять это место».

И он был прав.

— К тому же у него слабость к узбечкам. Он сам наполовину узбек. — Марк задумчиво меня разглядывает. — Вообще-то, это, наверное, его единственная слабость.

Чудесно.

Он косится на парней.

— И вы, похоже, умеете держать людей в узде.

— У вас все хорошо, Ясмينا? — доносится грубый голос Руслана.

— Да, Руслан. — Поворачиваю голову, успокаивающе киваю.

Когда я оборачиваюсь, Марк уже достает из пиджака маленький блокнот. Черкает что-то и пододвигает ко мне.

Я смотрю на бумагу. Легкая паника подкатывает к горлу, как всегда, когда нужно читать что-то под давлением. *Радости дислексии.*

— Это что?

— Зарплата. В месяц.

У меня перехватывает дыхание. Я пересчитываю цифру. Два раза.

— Запятая не в том месте?

Он усмехается, отпивает пиво.

— Это работа с проживанием в центре Москвы и ненормированным графиком. Мой работодатель хочет это компенсировать.

— Абсолютно исключено. — Я с отвращением отодвигаю бумагу обратно. — Я не собираюсь обслуживать какого-то богатого старого извращенца.

— Ваши опасения понятны, но в должности нет ничего неприличного. Вы будете няней... — Пауза. — Помощницей в его доме и не более того.

— Голой няней, — фыркаю я. В голове проносятся картинки: я укачиваю мужика в памперсе, а он припадает к моей груди.

Он сдерживает улыбку и повторяет мои же слова:

— Абсолютно исключено. А вы циничны.

Я сощурилась, не веря своим ушам. В голове сразу пронеслись нехорошие мысли: а вдруг у этого богатого начальника какой-то специфический интерес к восточным девушкам? Может,

в мои обязанности будет входить пение узбекских колыбельных, пока я укачиваю какого-нибудь престарелого дедулю?

— Если вы воспользуетесь этим шансом, — он усмехнулся, — а вы были бы дурой, если бы не воспользовались, учитывая ваше положение, — то будете работать на Ветровых. Завтра сможете задать любые вопросы отделу кадров, чтобы убедиться: все официально. Просто будьте готовы приехать в офис, подписать контракт и подать документы на регистрацию.

— На регистрацию? — переспросила я, едва не поперхнувшись. Мой новый знакомый либо очень жестоко пошутил, либо предлагал мне спасательный круг.

— Да, Ясмина. — Он склонил голову, дописывая что-то в своем блокноте. Он видел: я заглотила наживку. Вместе с крючком и грузилом. — Кадры свяжутся с вами завтра и назначат время.

Я смотрела, как он выводит цифры номера телефона, а челюсть у меня медленно сползала вниз. Сердце колотилось где-то в горле. Мне так отчаянно хотелось в это поверить, но...

— Давайте проясним, — заговорила я медленно, взвешивая каждое слово. — Вы хотите сказать, что готовы взять какую-то случайную официантку из Люберец, сделать ей официальную регистрацию, дать жилье в центре Москвы и платить огромные деньги просто за то, чтобы она была няней-горничной у вашего крутого начальника? — Я замолчала, пытаюсь разглядеть хоть тень подвоха на его лице. — И все это потому, что у вас «чутье»?

Это вызвало у него короткий смешок. Он снова расслабленно откинулся на спинку стула.

— Все не так легко, как вам кажется. Мой наниматель платит за то, чтобы человек всегда был под рукой. Поверьте, работа адская, без выходных и проходных. Мне нужен кто-то, кто сможет приступить немедленно и кто не связан никакими обязательствами. — Он одарил меня тяжелым взглядом, который можно было назвать только волчьей улыбкой. — Скажу честно: я знаю, что вы в отчаянии. А значит, будете стараться и не сбежите через неделю.

Я слотнула.

— Почему такая спешка? Что случилось с предыдущей помощницей? Он ее... закопал в лесу?

Марк снова усмехнулся.

— У вас богатое воображение. Может, вы ему даже понравитесь. Его постоянная экономка была вынуждена срочно уехать в другой город ухаживать за больной дочерью. Внезапно. Ему нужна замена прямо сейчас. Было еще несколько кандидаток, но...

— Но? — я прищурилась. Что с ними? Лежат штабелями в подвале?

Он просто отмахнулся, как от чего-то несущественного.

Странно все это. Похоже на сон, причем не самый спокойный. Но выбора у меня, по сути, не было.

— У меня регистрация заканчивается через семь дней, — выдохнула я, надув щеки. — Даже если вы работаете в белую, мы просто не успеем по срокам.

Он снова небрежно махнул рукой.

— Мы ускорим процесс. Сделаем по своим каналам.

Пульс подскочил еще выше. В Москве деньги и связи открывают любые двери и закрывают любые вопросы. Вот так просто.

— Вас, конечно, придется проверить. Служба безопасности, медобследование — стандартная процедура.

— Проверить? — Я постаралась сохранить каменное лицо, хотя внутри все похолодело. — Это как... проверка на судимость?

— В том числе, — он пристально посмотрел мне в глаза. — Вас это беспокоит?

Твою мать! Прошлые грехи решили напомнить о себе в самый неподходящий момент.

— Разумеется, нет, — соврала я, не моргнув и глазом.

Поверил он мне или нет — было неясно, но Марк двинулся дальше, постукивая ручкой по блокноту.

— Напишите ваше полное имя, почту и телефон. Завтра будьте готовы подъехать в наш головной офис.

Я медленно кивнула, мозг лихорадочно искал подвод. Адреса он не спрашивал — и то хорошо.

— А кто именно мой работодатель? — спросила я, беря ручку.

Его губы тронула едва заметная усмешка.

— Кирилл Ветров.

Тот самый? Который владеет сетью отелей и половиной элитной недвижимости города?

Я достала телефон и быстро вбила имя в поиск, пока Марк наблюдал за мной.

«Кирилл Ветров» — первая же ссылка выдала статью в «Форбс».

Ох. Кажется, я действительно влипла во что-то очень крупное...

Мужу не под восемьдесят. Ему около тридцати пяти, и, если фото без фотошопа — умереть, не встать. Темные волосы. Ледяные голубые глаза. *Пожалуй, я бы позволила ему присосаться к моей груди.*

Но Чикатило, между прочим, тоже был симпатичным. И я не могу найти ни одного фото, где Кирилл Ветров улыбается. Одно неверное решение — и ты уже в подвале.

— Это он, его жена и дочь? — спрашиваю.

— Нет, он вдовец. Мама Алсу умерла, когда девочке было два года. Сейчас ей двенадцать, скоро тринадцать.

Новый подросток. Это интересно. Подростки — народ страшный.

Без матери. Грустно. *Интересно, всегда были ли только они вдвоем?*

— Это возможность. — Марк прерывает мои мысли. — Берите или уходите, Ясмينا.

Бери или уезжай из страны, иными словами.

Но если они проверят судимость, я провалюсь. Так что терять мне нечего.

Прямо сейчас это единственный вариант.

Марк это тоже знает, судя по ухмылке. Он постукивает пальцами по цифрам в блокноте.

Вот так, наверное, люди и вступают в мафию.

Глава 3

До сих пор жаба душит, что выкинула тысячу рублей, чтобы подняться на смотровую Останкинской башни. И вот ирония: теперь я смотрю на эту самую башню прямо из окна пятидесятого этажа штаб-квартиры корпорации Ветровых, пока они потрошат мою биографию.

Помню, как раньше я сама разглядывала эти небоскребы «Москва-Сити» снизу вверх. Две башни с острыми крышами, похожими на рога, всегда казались мне какими-то зловещими — злее всех остальных зданий в округе. И вот я здесь, кажется, в «правом роге».

После той странной встречи с моим внезапным благодетелем Марком я весь вечер просидела в обнимку с телефоном, изучая все, что можно найти на Кирилла Ветрова.

Тридцать шесть лет. Один из богатейших людей страны. Классический пример человека, который сделал себя сам. Самый привлекательный вид богатства — когда деньги заработаны своим умом. У него сеть отелей, которой он владеет вместе с братом. От бюджетных хостелов до люксовых комплексов «семь звезд».

Да. Семь звезд.

Интересно, это значит, что ему нужна прислуга под стать такому уровню? В моем понимании идеальная уборка — это запихать вещи туда, где они меньше всего мозолят глаза.

От всей этой затеи за версту несет подвохом. Меня либо в рабство продадут, либо на органы. Иначе зачем им столько образцов моих биологических материалов?

Кровь, волосы, моча... Я уже всерьез ждала, что попросят сдать кал.

После нескольких часов мучительного ожидания я все-таки все сдала. И подписала толстенное соглашение о неразглашении — страниц двадцать мелким шрифтом.

А еще я заполнила такую подробную анкету, что сама о себе столько не знала. Группа крови? Да понятия не имею.

Чувствуя себя не в своей тарелке, я судорожно смахиваю невидимые пылинки с юбки. Кадровичка оставила меня в зоне ожидания — сижу здесь уже полчаса.

Если бы у зданий был характер, этот небоскреб явно был бы социопатом: холодный, стерильный, кругом сплошной монохром и острые углы. От каждого сотрудника, проходящего мимо с беспроводной гарнитурой в ухе, так и веет холодом.

Каков дом — таков и хозяин.

— Ясмينا, — кадровичка высунулась из кабинета и поманила меня пальцем. — Еще одна подпись, и вы свободны.

Сердце ухнуло куда-то в желудок. Общение с этой холеной женщиной заставляло меня жутко нервничать. На ее фоне я чувствовала себя забитой провинциалкой.

Я втиснулась в кабинет и опустилась на тот же стул, на котором ерзала весь день.

На странице жирным черным шрифтом были выведены слова, от которых у меня все внутри похолодело: «СОГЛАСИЕ НА ПРОВЕРКУ СУДИМОСТИ».

Похоже, вместо работы в центре Москвы я все-таки получу билет в один конец до Ташкента.

— Тебе надо срочно найти мужа с пропиской! — заявляет Зухра, отхлебывая огромный глоток коктейля «Москва-Сити».

Раз уж мне осталось топтать столичный асфальт всего шесть дней и четыре часа (я слишком пьяна, чтобы высчитывать минуты), я решила, что прощальный коктейль должен называться именно так.

Зухра приехала из Люберец, чтобы помочь мне утопить горе в алкоголе. И вот мы сидим в баре отеля Ветрова, посреди четверга, в три часа дня, и тратим бешеные деньги на дорогущее пойло, будто у нас их куры не клюют. Мне показалось правильным выбрать именно это место — напоследок.

Стены здесь обиты красным бархатом — наверное, чтобы подвыпившие гости не расшиблись, как в мягком манеже. Приглушенный свет, дорогие абажуры... кажется, будто на улице уже глубокая ночь, хотя солнце еще высоко. Опасная атмосфера.

— Фиктивный брак, Ясмина! — продолжает Зухра, счастливо покачиваясь на барном стуле. — У меня есть знакомый в Химках, он за умеренную плату распишется с кем угодно. Сделаем тебе документы, и никакая депортация не страшна!

— Тс-с! — я толкнула ее коленкой. — Не ори на весь зал. Мы не на рынке. И вообще, какой муж, какая прописка? У меня в анкете черным по белому спросили про судимость. Все, Зухра, песенка спета. Проверят — и прощай, Москва.

После этого бокала я отвезу ее домой. Для узбекской девушки она удивительно быстро пьянеет.

Хотя... в ее предложении что-то есть. Фиктивный брак уже не кажется таким абсурдом.
Господи, как же я отчаялась!

— Нет, — я уныло вздохнула, помешивая трубочкой лед в своем бокале. — Это не выход. А что будет, когда я по-настоящему влюблюсь и захочу замуж? Буду объяснять мужу, что я уже «занята» ради красной печати в паспорте?

— Ой, да разведешься, делов-то! — Зухра махнула рукой так лихо, что едва не задела соседа. — Зато в Москве останешься, а там разберемся.

Изысканная дама, сидящая в паре метров от нас, одарила нас таким взглядом, будто мы притащили в этот бар мешок немойтой картошки.

— Придется смириться, Зухра, — пробормотала я, глядя на алую жидкость в своем бокале. — Я уезжаю. Я правда старалась, но давай смотреть правде в глаза... — Голос предательски дрогнул. Не хватало еще разрыдаться в таком пафосном месте.

— Нет! — Она вдруг схватила меня за руки и подняла их вверх, словно мы на ринге. — Должен быть способ. А вдруг они ничего не найдут? Судимость же как-то закрывают со временем, разве нет?

Я грустно улыбнулась.

— Не так быстро, дорогая. Для них это будет жирное клеймо на моей репутации.

Зухра засопела и крепче сжала мои ладони.

— Может, пропустят?

— Не пропустят. У них все серьезно.

— Но агентство же тебя взяло!

— Агентство — это шарашкина контора. Они так прилизали мое резюме, что я там выглядела чуть ли не святой. А Ветров... он у меня кровь на анализ брал. Этот человек не шутит.

Зухра отпустила мои руки и откинулась на спинку стула. Мы обе замолчали.

— Может, им наплевать на твоё прошлое? — наконец тихо сказала она. — Ты же не банк грабила. Просто... череда дурацких случайностей.

Я выдавила улыбку, чтобы ее подбодрить. Полиция так не считала. И в моем деле все выглядит куда мрачнее.

Зухра шумно выдохнула и прижала пальцы к векам.

— Так, дыши глубоко. Посылаем сигналы во Вселенную. Надо верить! Через год мы будем отмечать твоё получение паспорта прямо здесь. Я уже буду работать в органах, при погонах, а ты станешь самым крутым мастером по мебели в Москве!

Она сидела с закрытыми глазами, поэтому не видела, как я скептически поморщилась.

— Ты опять начиталась этих книжек про «позитивное мышление»?

Зухра открыла один глаз и хитро прищурилась.

— Если веришь, что все получится, — так и будет.

Я тяжело вздохнула и сделала большой глоток коктейля. Если моя последняя надежда — это сигналы во Вселенную, то дела мои совсем плохи.

— Я сейчас, — Зухра соскользнула с высокого стула, поправляя юбку. — Мне нужно в дамскую комнату.

— Давай, я подожду, — ответила я, размешивая остатки льда. «Пока еще могу подождать», — добавила про себя.

Я смотрела ей вслед, и сердце сжималось. Мы дружим с самого детства. Соседские девочки, одна школа на двоих, вместе прогуливали уроки, вместе мечтали. Раньше мы расставались, только когда она летала в Москву к родне — я тогда с ума сходила от зависти. А последние месяцы мы вообще живем на головах друг у друга в крошечной каморке у дяди Рустама в Люберцах.

— Он здесь! — вдруг раздался резкий, возбужденный шепот за моей спиной. — Я сама видела, как он из туалета выходил!

— Да ты что! — ответила подруга говорившей. — Блин, надо как-то «случайно» на него наткнуться.

Я невольно начала оглядывать бар. Кого они там увидели? Какую-то знаменитость? Вон тот мужик в углу вроде на Башарова похож, но не уверена. Женщины начали о чем-то шептаться еще тише, и до меня долетал только их восторженный смех.

Я слегка откинулась на стуле, пытаюсь разглядеть «звезду», но в голове сразу зашумело — коктейли давали о себе знать.

Не вовремя.

Бармен пронёсся мимо, и я едва успела перехватить его руку, когда он потянулся к моему бокалу.

— Куда?! — я вцепилась в бокал, крепко сжимая ножку пальцами. — Я не допила.

Он посмотрел на дно, где плескалось буквально на один глоток, потом на меня, с трудом сдерживаясь, чтобы не закатить глаза. Я лишь хмуро зыркнула в ответ. Добро не должно пропадать, особенно когда за него заплачена такая куча денег.

Я демонстративно запрокинула голову, выцедила все до последней капли и только тогда со стуком поставила пустую посуду перед ним.

— Я тут в дамской комнате подумала, — объявила Зухра, плюхаясь обратно на стул.

Я приготовилась слушать очередное «великое откровение».

— Давай еще по одной, — предложила она, глядя на меня масляными глазами. — И все, по домам.

Разумеется, «еще по одной» превратилось в «еще по четыре». Теперь мы неприкаянно бродили по первому этажу отеля, путаясь в лабиринтах безумно дорогих бутиков и пытаюсь найти выход. Зухра то и дело ныряла в магазины, где нам совершенно не место, и мне уже хотелось привязать ее к себе поводком, как непослушного щенка.

Где-то в недрах моей сумки зажужжал телефон. Пока я нашаривала его среди кучи барахла, украденный из бара бокал предательски звякнул о прихваченные из отельного туалета мыльца и тюбики. Наконец я выудила мобильник и нажала «принять», не глядя на номер.

— Ясмина? — раздался низкий голос с едва уловимой хрипотцой. Это был Марк.

Сердце мгновенно пустилось вскачь, выбивая бешеный ритм.

— Да?

— Хорошие новости, — прогремел он в трубке. — Вы прошли. Приступаете в понедельник.

Я резко замерла посреди людского потока, едва не выронив телефон. В голове зашумело: то ли от радости, то ли от выпитого.

— Я... прошла проверку? — переспросила я, не веря своим ушам.

Я лихорадочно искала глазами Зухру, но та уже скрылась в очередном отделе с сумочками.

Марк в трубке мягко усмехнулся.

— А вы сомневались?

— Э-э... — из моего горла вырвался какой-то нечленораздельный булькающий звук. Я даже сама себя не узнала.

— Нужно, чтобы вы переехали уже в воскресенье, — продолжал Марк, совершенно игнорируя мой шок. Похоже, он куда-то шел, судя по звукам на заднем плане. — Господин Ветров встретит вас в воскресенье днем.

— Все ясно, — выдохнула я, остекленевшим взглядом уставившись в витрину с элитным бельем. Собрала всю волю в кулак, чтобы голос звучал по-деловому, хотя ребра уже лопались от чечетки сердца. — Жду подробности. Я... я очень рада.

— Прекрасно. И смотрите, Ясмина, не подведите. Если облажаетесь — в Москве вам не задержаться. Вылетите отсюда пробкой, — эти слова прозвучали как зловещее предупреждение. — Водитель господина Ветрова, Шамиль, встретит вас.

Я нажала отбой. Что-то тут было нечисто. Неужели служба безопасности так сплеховала? Сомнительно. Или у Ветрова свои понятия о «чистом» прошлом? Опять же, вряд ли.

Шестое чувство кричало, что за этим кроется какой-то подвох, но я привычно затолкала его поглубже, под захлестнувшую меня волну радости. По лицу сама собой расплзлась идиотская улыбка.

Я остаюсь.

Я остаюсь в Москве!

Мне до смерти захотелось кого-нибудь обнять. Боже, куда делась эта Зухра? Вокруг сновали пафосные покупатели и постояльцы отеля, но моей подруги нигде не было. Дрожащими руками я начала набирать ее номер.

— Зухра! Живо тащи задницу сюда.

Она начинает говорить, но я перебиваю:

— Я остаюсь, Зухра. Реально остаюсь! Я прошла проверку!

Визг, который раздается из трубки, слышат, наверное, все в радиусе десяти метров.

— Ты шутишь?! — повторяет она пять раз, а я отвечаю:

— Нет.

— Бегу! Я в туалет отошла, пока ты болтала. Думала, ты с бабушкой говоришь, а ты знаешь, она любит поболтать...

Звонок обрывается. Проходит долгая секунда, прежде чем до меня доходит: я стою столбом, прижав телефон к уху, и улыблюсь как ненормальная на манекен в витрине.

Кажется, он улыбнулся в ответ.

Я, наверное, в бреду.

На манекене — изумрудно-зеленое белье с вышитым кружевом. Оно идеально подошло бы к моим темным волосам. А чокер на шее делает это белье самым сексуальным, что я видела в жизни.

Невидимые нити тянут меня к нему. Может, накоплю и куплю, раз уж я остаюсь.

Зухра возникает рядом, я хватаю ее за руку.

— Я буду выглядеть безумно сексуально в таком. Правда? Может, купить в честь праздника?

Только когда поворачиваюсь — это не рука Зухры.

Мышцы. Твердые. Обтянутые приятной на ощупь тканью.

Широкая грудь в голубой рубашке и жилетке нависает надо мной. Поднимаю взгляд... выше... и встречаю злой прищур, ледяные глаза впиваются в меня.

Ни хрена себе.

— Твою мать! — взвизгиваю я. — То есть...

Он сверлит взглядом мои пальцы, вцепившиеся в его предплечье, и высвобождается с рычанием.

У меня перехватывает дыхание. Отвожу взгляд, сгорая от стыда.

Я...

Он...

Ну елки-палки!

Звон стекла выдернул меня из оцепенения.

Я подпрыгнула, отскочив от осколков, которые разлетелись по полу. Сумка соскользнула с плеча и высыпала все содержимое прямо у ног незнакомца. Тот бокал, что я прихватила в память из бара, рассыпался в прах.

— Блин, — выдохнула я, глядя, как мыльца из номеров укатились в разные стороны. — Простите, я приняла вас за подругу.

Щеки пылали так, будто я часами жарилась на солнце в Кызылкуме. Не осмеливаюсь поднять глаза. Нужно скорее собрать мыло, пока никто не заметил, что я унесла половину туалетного набора из номера. Приседаю, хватаю кусочки среди битого стекла и пытаюсь сообразить, что делать с осколками. Руки трясутся.

— Отойдите, порежетесь, — грубо рявкнул кто-то надо мной. Его низкий, хрипловатый голос пробежал по спине морозом.

Поднимаю глаза и замираю: ледяные, строгие глаза смотрят на меня с раздражением. Я проглотила ком. Он старше меня, крепкого телосложения, с густыми темными волосами и угловатой челюстью — внешний вид, от которого вмиг становится жарко и холодно одновременно. Рубашка с жилеткой сидят на нем идеально.

Его взгляд пробежал по беспорядку на полу, брови сведены. Похоже, он думал, что я устроила здесь погром. Мне неловко, но взгляд оторвать не могу.

Он еще секунду смотрит сверху вниз, потом кивает кому-то сзади. Я вытягиваю шею: к нам идет здоровенный охранник, что-то бормочет в гарнитуру.

— Да это просто мыло, — пытаюсь отмахнуться я, стараясь не заикаться. Как ему удастся быть одновременно таким холодным и притягательным?

Опускаю глаза — я на коленях на уровне его ботинок. Уверена: он крупнее, чем кажется.

— Вставайте, девушка, — рычит он, и в голосе слышна команда.

— Вам нужна помощь? — здоровается уже другой мужчина, охранник. Его взгляд говорит: «Помощь» — означает сопровождение к выходу.

Две уборщицы бросаются к осколкам. Я шепчу какую-то извинительную фразу, помогая одной смахивать стекла.

Сгорая от стыда, украдкой смотрю на того мужчину. Он уже уходит, держась за руку с эффектной брюнеткой в дорогом платье, словно модель из рекламного ролика. Она едва дотягивает до его плеч — он явно не ниже метра девяноста. Идут они плавно, как будто мир создан только для них.

На секунду во мне вспыхнула нелепая зависть. Он кладет руку ей на талию — и сердце сжалось от неожиданной тревоги.

И вдруг узнавание бьет по мозгу, как холодный душ: эти глаза, эта осанка...

Это был он — Кирилл Ветров.

Глава 4

Кирилл

Я со вздохом толкнул тяжелую дверь переговорной.

— Кирилл Андреевич! — Аркадий Степанович Маревич подскочил с места, едва не опрокинув стакан с водой. — Рад, что мы можем обсудить все лично.

Я видел его полчаса назад на ресепшене, когда возвращался с обеда. Невысокий, плотный мужик с водянисто-голубыми глазами. В нем чувствовалась эта порода старых предпринимателей, которые носят костюм везде: и на стройке, и в офисе, и на семейном ужине.

Он протянул руку для рукопожатия, стараясь придать взгляду стали. Я бы, может, и впечатлился, если бы не почувствовал его влажную от волнения ладонь.

По бокам от него сидели двое. Один — явно сын, лет тридцати пяти, мой ровесник. Он сидел, желваки так и гуляли под кожей — парень явно предпочитал решать вопросы кулаками, а не за столом переговоров.

— Зовите меня просто Кирилл, — я аккуратно освободил руку из его хватки.

Маревич-старший заметно выдохнул.

— Аркадий. А это мой сын, Артем.

Артем лишь что-то буркнул себе под нос.

Маревич кивнул на третьего, который сидел чуть поодаль.

— А это наш юрист, Михаил Демченко.

Демченко выглядел как человек, которого наняли по объявлению из бесплатной газеты. Офис у такого наверняка где-нибудь в подвале в Южном Бутово.

Я занял место во главе стола и жестом пригласил их садиться.

— Надеюсь, мои сотрудники уже представились.

Напротив семейства Маревичей сидели Светлана, наш ведущий юрист, и парень-стажер, похожий на отличника-выпускника.

— Представились, — кивнул Аркадий Степанович, и они с сыном синхронно сели. — Признаюсь, Кирилл, я удивлен, что вы нашли время. Понимаю, человек вы занятой. Уверен, мы сможем договориться по-мужски, чтобы не тратить ваше время попусту.

Я откинулся в кожаном кресле и кивнул.

— Я внимательно слушаю.

Маревич отпил воды, прочистил горло и сцепил пальцы в замок.

— Кирилл Андреевич... Кирилл. Вы вообще знаете историю нашего ресторана?

Я дружелюбно улыбнулся:

— Полагаю, вы мне сейчас ее расскажете.

— Не знаю, насколько часто вы бываете в Бутово, но наш ресторан — это сердце района. Там собирается вся наша община, люди десятилетиями приходят к нам...

Я старался не терять терпения, но взгляд невольно уплывал в окно. Лекция по истории окраин Москвы — не совсем то, ради чего я сюда пришел.

— Понимаете, этот ресторан — семейное дело. Отец передал его мне, я управлял им сорок лет, чтобы потом оставить сыну и дочери. — Он с гордостью глянул на Артема, а затем снова на меня. — Я прошу вас пересмотреть план застройки, Кирилл. По-человечески прошу. Подумайте...

— Аркадий Степанович, — Светлана вмешалась вежливо, но твердо. — Все наши условия уже были переданы вашему юристу.

Я выпустил раздраженный выдох. Мы застряли на этапе, где пора обсуждать детали, а не слушать жалобы.

— Умоляю вас, — голос Маревича дрогнул. — Я говорю с вами как один владелец бизнеса с другим. Как отец с отцом. У вас ведь тоже подрастает дочь. Вы же наверняка захотите когда-нибудь передать свои дела ей. Алсу ведь, верно?

Значит, подготовился. Только вот чтобы передать бизнес моей Алсу, нужно для начала сделать так, чтобы она начала говорить мне что-то, кроме «ненавижу тебя». В последнее время это казалось чем-то из области фантастики.

— Мне жаль, Аркадий. Тут ничего личного. Но застройка утверждена. Работы уже начались.

— Мы в курсе! — рявкнул Артем. — Мы каждый день видим ваши экскаваторы из окон. Грохот такой, что клиенты разбегаются!

— Сочувствую.

Артем взвился как бычок, коим я его и считал. Он со всей дури ударил кулаком по столу — бокалы с водой жалобно звякнули.

— погоди, сын, — осадил его отец строгим взглядом. Он положил руку на плечо Артема, а затем снова повернулся ко мне. — Кирилл. Вы нас просто разоряете. Своими стройками и шумом.

— Именно поэтому я предлагаю вам принять мои условия. Это очень щедрое предложение, — отрезал я.

Старший Маревич заметно побледнел.

— И что теперь? Вы собираетесь угробить наш район?

— Это золотая земля прямо у МКАДа, — спокойно заметил я, нетерпеливо барабанив пальцами по столу. — А не чайхана при доме культуры. Будьте благоразумны.

— Сядь, Артем! — рявкнул отец на сына, когда тот порывался вскочить. Он силой усадил его обратно на стул.

— Значит, так? У нас только два варианта: либо продать вам дело всей жизни, либо смотреть, как вы его душите, обнося своей бетонной коробкой?

— Я бы советовал выбрать первый, — отрезал я. — Я рассчитывал на конструктивный диалог.

Мы предложили семье Маревичей сумму, которой хватило бы их внукам до конца дней. Но старик ослеп от собственной гордости. Артем что-то злобно прошипел сквозь зубы — кажется, на польском.

— Кирилл Андреевич, — подал голос их адвокат из угла, судорожно сжимая бумаги. Я уже и забыл, что этот бесполезный персонаж находится в комнате. — Вы не оставляете нам выбора. Мы будем добиваться судебного запрета на строительство из-за нарушения норм тишины и эксплуатации территории.

В кармане завибрировал телефон. Константин. На мгновение внимание всех присутствующих переключилось на меня — у Маревичей появился шанс перевести дух. Я сбросил вызов и положил телефон на стол, подальше от рук этого недоумка Артема — на случай, если он решит заняться вандализмом.

— Отель на этой земле будет построен в любом случае. У нас есть выписки по вашим счетам, и мое предложение в два раза выше рыночной стоимости вашего ресторана, — напомнил я. — В тендере на эту территорию участвовали еще пять застройщиков. Остальные предлагали вам сущие копейки. Рассматривайте это как шанс на новую жизнь, а не как угрозу.

— Господи, Ветров! — выплюнул Артем. Я с отвращением посмотрел на капли слюны, приземлившиеся на полированную поверхность стола. — Сидишь в своей стекляшке в «Сити» и думаешь, что ты лучше всех? Думаешь, можно вот так просто забыть, откуда ты вылез? Твоя семейка начинала в полной грязи.

— Ты закончил? — спросил я ледяным тоном. — Потому что ты только что сделал положение своей семьи намного хуже.

Я нажал кнопку вызова охраны на телефоне.

— Наш район не даст вам здесь строить! — Артем снова вскочил на ноги. — Мы это место по кирпичику разнесем вместе со всеми вашими московскими толстосумами. У тебя в Люберцах поддержки нет, и в Бутово теперь тоже не будет!

Я смотрел на него абсолютно спокойно. Ничего нового. Я вырос в Люберцах. Мой отец, Андрей Ветров, чьи гены мне достались, был ничтожеством в глазах каждого узбека в радиусе пятнадцати километров. Тот тип мужиков, что заявляются на чужие поминки ради бесплатной водки и еды и пытаются приударить за вдовами. К сожалению, его репутация тенью легла на всю семью. К счастью, он сдох до того, как мне исполнилось тринадцать.

— Время вышло. — Голос звучал ровно. Я убрал телефон в карман и встал, отодвигая кресло. В дверь коротко постучали. Охранник заглянул в переговорную, вопросительно приподняв бровь. Этот сценарий мы отработывали не раз. Еще двое стояли в коридоре.

— Подавайте иски, протестуйте, пытайтесь хоть взорвать эту стройку — вам меня не победить, Аркадий Степанович, — обратился я к отцу, понимая, что говорить с его сыном-недоумком бесполезно. — Я думал, вы мудрее. А теперь прошу прощения, у меня следующая встреча.

Маревич-старший поднялся вслед за сыном.

— Я почти сочувствую вам, Ветров. Вы так и не поняли, что значит быть частью чего-то большего, чем ваш кошелек.

— Прошу на выход. — Я указал ладонью на дверь, и двое охранников выросли стеной между мной и гостями.

Я повернулся к Светлане и обливаемому потом стажеру — те уже были на ногах, мечтая поскорее смыться.

— Светлана, передай команде: меняем график работ. Маревичи отказались от переговоров. Начинаем застройку в обход их участка. Окружим их бетонным забором.

— Не знаю, чего мы ждали от этого психопата. В Люберцах до сих пор помнят, что ты натворил, — донесся до меня ядовитый голос Артема уже из коридора.

В кабинете повисла мертвая тишина.

Слова Антона впились в меня, как ядовитые занозы. Я медленно развернулся к нему. В его глазах светилось тупое самодовольство: он видел, что его последний выпад попал в цель.

Я поднял руку, останавливая охрану, которая уже была готова вышвырнуть его в коридор. Не сводя глаз с младшего Маревича, я тихо спросил:

— И что же именно в Люберцах обо мне знают?

Он замялся. Прежняя бравада дала трещину, хотя нас все еще разделяли спины моих охранников.

— Оставь, Артем, не надо, — тихо, с надрывом предупредил отец, дергая сына за рукав.

Но тот уже закусил удила. Он сощурился, пытаясь удержать маску героя:

— Ты — отброс. Худшая мразь. Она была матерью твоего ребенка, а ты...

— Вон. Пошли на хрен отсюда, — процедил я сквозь зубы, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость.

Кулаки сжались так, что костяшки побелели. Я вцепился в край стола, чтобы не сорваться и не пересчитать ему зубы лично. По моему знаку охрана быстро, без лишних слов, потащила Маревичей к выходу.

Я смотрел им в спины, пока они не скрылись в коридоре.

Вообще-то, мне не доставляет удовольствия разорять семьи или закрывать старые рестораны. Для меня это просто цифры в отчетах, сухой бизнес. Но этот щенок сделал все личным. Теперь я не просто снесу его забежаловку.

Мария, моя помощница, вышла из угла, где все это время молча наблюдала за сценой. Порой меня даже пугало, насколько ее не принимают такие разборки.

— На ходу, Маша, — бросил я максимально ровным голосом. Забрал у нее стакан с кофе и направился к себе в кабинет.

Она едва поспевала за мной, люди в коридоре в ужасе шарахались в стороны, видя мое лицо.

— У вас встреча в четыре в малом зале, — начала она, сверяясь с планшетом. — Потом машина в пять десять, нужно быть на другом конце города. И еще: «Московский комсомолец» разрывает телефон — просят комментарий по поводу банкротства сети отелей Даниила Карлова.

Я резко остановился посреди коридора.

— С какого перепугу им нужен мой комментарий?

Мария посмотрела на меня с легким недоумением.

— Потому что вы — Кирилл Ветров. Кому еще звонить?

— Ладно. Пусть пиарщики набросают что-нибудь нейтральное и пришлют мне на согласование. Встречу в пять десять отмените. Хочу быть дома, когда Алсу вернется из школы. На этой неделе мы без няни, не хочу оставлять ее одну.

— Но, Кирилл Андреевич...

— Никаких «но», Маша.

Она закусила губу и быстро кивнула. Мы дошли до дверей моего кабинета.

— Я забронировала стол на день рождения Алсу, — добавила она. — И еще отправила цветы дочери Фатимы Дальниковой.

— Хорошо. Ее уже перевели в ту клинику?

Мария кивнула, на ее лице на мгновение появилась мягкая улыбка.

— Да, там VIP-обслуживание, ей очень нравится. Но Дальникова говорит, что ей придется остаться с дочерью в Питере минимум на два месяца. Пока курс лечения не закончится.

Я тяжело вздохнул и толкнул дверь кабинета.

Я все понимал. У меня самого дочь, и я бы землю грыз ради ее здоровья. Я подписал счета за лечение дочери Дальниковой, даже не глядя на сумму, — она это заслужила годами верной службы.

Но отсутствие Фатимы пугало меня больше, чем все угрозы конкурентов вместе взятые. В меня дважды стреляли, но сейчас я нервничал сильнее. Она была для нас с Алсу не просто экономкой. Степенная, мудрая узбечка за пятьдесят, вырастившая своих детей. Тактичная, спокойная — именно такой человек был нужен в моем доме.

Алсу скоро тринадцать. Ей не нужны охранники в качестве компании, ей нужен кто-то близкий по вечерам, пока я на работе. И мне плевать, что она считает себя взрослой. Нанимать случайных людей я не хотел. Это была отчаянная попытка вернуть в ее жизнь хоть какое-то подобие материнской заботы, которой она была лишена. Но найти замену — сущий кошмар.

Мой младший брат Костя резко появляется в коридоре.

— Ну что, старик уперся? Не подписывает?

— Подпишет. Просто жаль потерянного времени.

— Не понимаю, зачем ты вообще с ним церемонишься.

— Я, знаешь ли, вообще парень душевный, — сухо бросил я, отпивая кофе. Я не стал говорить ему, что этот щенок, его сын, задел за живое, вспомнив смерть Гульнары. — Иногда людям нужно просто выговориться. Но лучше бы они сделали это по-тихому.

— Хочешь, чтобы подписывали без шума и пыли — подошли к ним кого-нибудь обаятельного.

Я одарил его тяжелым взглядом. Костя лишь усмехнулся.

В этот момент в кабинет вошел Марк, наш управляющий делами. От него, как обычно, несло табачищем. Надо будет все-таки заставить его бросить.

Увидев Константина, Марк удивленно вскинул брови:

— О, ты побрился налысо?

Костя хмыкнул:

— А Кирилл даже не заметил.

— Конечно, я, блин, заметил, — огрызнулся я. — У меня забот по горло, некогда твое эго наглаживать и восхищаться новой стрижкой.

Константин рассмеялся и оттолкнулся от стены.

— Боже, он сегодня злее цепного пса. Удачи, Марк. — Брат хлопнул управляющего по плечу и вышел.

— У меня для вас действительно отличные новости, — начал Марк. — Кажется, я нашел идеальную замену Фатиме Дальниковой.

Я скептически поднял бровь:

— Да неужели?

— Я решил сменить тактику. Нам нужен был кто-то настолько отчаянный, чтобы не сбежал через неделю.

— Посмотрим, — хмыкнул я. — Твои прошлые стратегии были, честно говоря, так себе. Марк скрестил руки на груди.

— Моя работа — не только нянecь вам подбирать, Кирилл. Предыдущая была слишком плаксивой, а ту, что до нее, Алсу сама до истерики довела.

Я помрачнел. Ему очень везло, что он работает на меня уже десять лет.

— В воскресенье познакомитесь. Она вам понравится, — продолжил Марк. — Узбечка. На Алсу будет влиять благотворно, вернет ее, так сказать, к корням. Мы проверили ее вдоль и поперек: наркотики, инфекции, даже чесотку. Никаких экстремистских связей или мутных знакомств. — Его ухмылка стала шире. — Чище, чем невеста из приличной семьи.

Звучало многообещающе, но подозрительно.

— Тебя не смущает твой список приоритетов? — сухо спросил я. — По описанию ты нашел мне какую-то узбекскую Мэри Поппинс.

— Точнее и не скажешь. Такое чувство, что вы уже знакомы.

— Скинь мне ее анкету и результаты проверки СБ. — Мне не очень нравилось, что в дом так быстро заезжает чужой человек, но выбора не было. Отъезд Фатимы спутал все карты. А охрана, если что, разберется и с чесоткой, и с экстремизмом.

Марк замялся, вертя в руках пустую чашку.

— Она... моложе, чем Фатима.

Я вопросительно посмотрел на него:

— И?

Он пожал плечами:

— Да ничего. Просто констатирую факт.

Я посмотрел на него с подозрением. Что-то он явно не договаривал.

Глава 5

Я смотрю вверх, разглядывая сталинскую высотку на Котельнической набережной. Считаю этажи — до самой крыши их тут больше двадцати. Чтобы охватить взглядом всю эту громадину, приходится едва ли не на спину ложиться. Готова спорить, виды оттуда на Кремль просто сумасшедшие.

Зухру я оставила в Люберцах. Наобещала ей вернуться при первой возможности и села в машину к водителю Ветрова — Шамилю. Черный внедорожник, стекла наглухо тонированные, а сам он, говорят, вообще бронированный.

Спасибо покойной жене дяди Рустама, тете Зарине — благодаря ее гардеробу я теперь выгляжу как «правильная» узбекская девушка. На мне длинная цветастая юбка и закрытая белая блузка с длинным рукавом. Уродство, конечно, редкостное, царствие ей небесное, но выбирать не приходится. Обычно-то я из легинсов и футболок не вылезаю, а тут вырядилась как гувернантка из старого кино.

Мне хватило десяти минут, чтобы запихнуть всю жизнь в один рюкзак. Одежда, пинцет, бритва, мазь от герпеса, куча баночек для моих вечно путающихся волос и даже пара взрослых игрушек, которыми я так и не решилась воспользоваться — мало ли, вдруг призраки дяди Рустама и тети Зарины до сих пор бродят по их каморке в Люберцах.

Я поднимаюсь по широким ступеням к массивной дубовой двери с тяжелой бронзовой ручкой. Чувствую себя Алисой в Стране чудес, которая только что выпила уменьшающее зелье — все вокруг такое огромное и давящее. По бокам от входа застыли два каменных льва с разинутыми пастьями.

В животе все скручивается от нервов и какого-то дикого предвкушения. Я что, серьезно буду здесь жить?

Украдкой нюхаю подмышку — не завоняла ли. Между грудей от жары хоть яичницу жарь. Мы, узбеки, хлебом не корми — дай поныть на погоду, но сегодня в Москве и правда пекло. Все тридцать пять градусов, или, как любят пугать по телевизору, «аномальная жара». С цифрами у меня всегда было туго, в отличие от хозяина этого дворца. миллионерами не становятся те, кто путает плюс с минусом.

Набираю в легкие побольше воздуха и жму на кнопку звонка.

— Назовите полное имя, — раздается мужской голос, едва я убираю палец.

Аж вздрогнула. Что, дворецкий прямо за дверью дежурит?

— Ясмينا Каримова, — выговариваю я по слогам, не понимая, куда вообще смотреть.

— Смотрите прямо в камеру.

Пауза.

— Ясмينا.

Ого, какое произношение. Даже акцента нет.

Я замечаю блестящий «глаз» объектива над звонком. Камера слегка шевелится, фокусируясь прямо на моей перепуганной физиономии. В кино в такой момент героя обычно поджаривают лазером. Застываю с натянутой улыбкой, гадая, кто там на меня смотрит — живой человек или какая-то программа. Для простого домофона он слишком быстро выучил мое имя. Может, это сам Ветров? Я ведь даже голоса его толком не помню.

— Инициирована идентификация по сетчатке глаза, — сообщает тот же монотонный голос.

Продолжаю лбыться в камеру. Это похлеще, чем паспортный контроль в Шереметьево.

— Сканирование завершено, — объявляет голос.

И тишина. И что теперь?

Живот скручивает еще сильнее, когда из-за двери доносятся тяжелые, уверенные шаги.

Створка медленно открывается, и...

Это он. Ну конечно, это он.

Наши глаза встретились, и я увидела, как в его голове закрутились шестеренки. Он пытался сообразить, вспомнить... понять, откуда он меня знает.

Я замерла. В тот момент, когда в этих арктических глазах вспыхнуло узнавание, по моей коже пробежали мурашки — словно меня пронзила тысяча ледяных игл, медленно замораживая на месте.

Он скрестил руки на груди и нахмурился еще сильнее.

Господи, помоги. В баре мне казалось, что это коктейли затуманили зрение, что Кирилл Ветров не может быть настолько пугающим в реальности. Оказалось, я ошибалась. Он еще хуже. Массивный, мужественный и абсолютно, мать его, непостижимый. Он что, стал еще выше с нашей последней встречи?

Его тяжелый взгляд медленно скользнул по мне, изучая каждый миллиметр. Это был досмотр, который я провалила с треском. К тому моменту, когда он снова посмотрел мне в лицо, я чувствовала себя абсолютно раздетой — цветастая юбка тети Зарины и закрытая блузка словно испарились под этим рентгеном.

Да, он меня вспомнил. Определенно.

Я едва сдержала желание развернуться и припустить по набережной со всех ног.

— Кирилл Андреевич? — я с трудом проглотила вставший в горле ком. — Я Ясмينا Каримова.

— Вы, — наконец выдавил он, и его челюсть заметно напряглась.

— Я. Э-э... простите за тот случай в отеле. Я не хотела...

— Я ожидал, что вы будете старше, — перебил он. Голос был таким же ледяным, как и взгляд.

Я растерянно моргнула. Интересно, как я должна исправить этот «недостаток»?

— Оу. Простите?

Я снова незаметно вытерла влажную ладонь о юбку и протянула ему руку. Если бы Марк видел меня сейчас, он бы точно засомневался в своем выборе.

Ветров еще раз смерил меня взглядом с ног до головы. Вид у него был такой, будто он сейчас просто захлопнет дверь перед моим носом. Тем не менее, он все же протянул руку и коротко сжал мои пальцы. Пульс подскочил от этого мимолетного касания.

— Меня еще никогда не проверяли через дверной звонок, — попыталась я пошутить, чтобы разрядить обстановку.

Он нахмурился еще сильнее — похоже, сама моя манера говорить его раздражала. Он тут же выпустил мою руку. Я незаметно поправила юбку, которая предательски застряла где-то сзади, и переступила с ноги на ногу.

Ну и? Он меня впустит или как? Если меня уволят прямо сейчас из-за пары украденных мыльниц... Господи, пусть он уже прекратит эту пытку.

— Входите, — бросил он отрывисто.

Голос звучал так, будто он не хочет меня видеть не то что в своем доме, а вообще в Москве. Он открыл дверь шире, и я, заставив ноги двигаться, проскользнула мимо него в холл.

Святые узбекские лепешки! Тут все было просто гигантским. И ослепительно-белым. Я почувствовала себя муравьем, случайно попавшим в фарфоровую вазу. Хотелось крутиться на месте, впитывая каждую деталь: огромную хрустальную люстру, парадную лестницу с сияющими ступенями, лепнину на потолке, паркет — такой чистый, что его, кажется, можно было облизать вместо тарелки.

Даже дверные ручки тут выглядели как экспонаты из Эрмитажа. Квартира напоминала декорации к фильму про высшую советскую номенклатуру, только на современный, очень дорогой лад.

Ветров — или Кирилл Андреевич, он так и не сказал, как его называть — зашагал к дверям слева от лестницы. Я покорно поплелась следом. Двери распахнулись сами собой, будто по волшебству. Вот так, значит, живут миллионеры? Не тратят силы даже на то, чтобы ручку повернуть?

— У вас очень красиво, — выдохнула я, тут же пожалев, что не смогла придумать ничего поумнее.

— Благодарю, — хмуро отозвался он.

Он провел меня в роскошную гостиную с огромными белыми диванами и камином высотой в мой рост. В этой комнате я чувствовала себя самой дешевой и неуместной вещью.

Ветров указал на один из диванов:

— Присаживайтесь.

Опускаюсь на диван, но ноги не достают до пола. Чтобы не выглядеть жалко, сползаю вперед и оказываюсь на самом краю.

Ветров устраивается напротив, опираясь предплечьями на подлокотники. Раздвигает крепкие бедра и снова критически меня разглядывает.

Пиджак у него уже снят. Теперь темно-синие джинсы, черная футболка и кроссовки. Я ерзаю в юбке, которая липнет к коже.

Марк описывал эту работу как легкую, но, глядя на потенциального начальника, я уже не так уверена. Сердце бьется в груди так громко, что, кажется, он это слышит.

— Сколько вам лет? — спрашивает он коротко.

— Я думала, на собеседованиях возраст не спрашивают, — робко шучу я.

Он не улыбается.

— У меня в файле вся ваша анкета, включая группу крови. Было бы лучше для нас обоих, если вы сэкономите мое время и просто ответите.

Я прочищаю горло и говорю всерьез:

— Почти двадцать пять.

— Вы выглядите моложе, — сухо замечает он.

— Ох... э... спасибо? — неуверенно отвечаю я. Что у него против молодых?

Он хмурится, внезапно встает — я чуть не подпрыгиваю, но он махает рукой, мол, сидите.

— Мне нужно позвонить. Осваивайтесь, — говорит он. — Вернусь через десять минут.

Вижу, как он уходит через стеклянные двери и закрывает их за собой. Тревога разливается по животу. Вот она — граница между билетом домой и жизнью в Москве. Похоже, я не оправдала ожиданий Ветрова. Рассеянно провожу пальцем по розам на юбке. Может, это карма — надеть одежду покойницы...

Или он злится из-за мыла и бокала, которые я взяла из его отеля? Или в бумажках что-то не так? Может, он недоволен акцентом — многим москвичам он не нравится.

Пока он разговаривает по телефону, все еще хмурясь, я украдкой за ним наблюдаю. Слишком властный. Слишком напряженный. Слишком суровый. Занимает слишком много места. Слишком большой.

Что он там делает? Вызывает полицию?

Он резко оборачивается; его взгляд впивается в меня, словно он чувствует тяжесть моего взгляда. Губы двигаются, но мне непосильно читать по губам — тик в его челюсти говорит все лучше любых слов.

Я облажалась. Разбитая, проваливаюсь в кожаный диван и мечтаю, чтобы он меня поглотил. Прощай, Москва. Здравствуй, Ташкент.

Двери распахиваются, он возвращается и плюхается на диван напротив с раздраженным рыканием.

— Помощница по хозяйству, которую вы заменяете, — Фатима Дальникова — была с многолетним стажем. Я ждал примерно того же от вас. Вы едва старше моей дочери Алсу, — смотрит он на меня так, будто видит не человека, а проблему, которую надо ликвидировать.

Ну и наглость.

Я смотрю в его красивое лицо и хочу только одно — послать всю эту работу.

— При всем уважении, вашей дочери едва тринадцать. Я взрослая женщина, — говорю прямо. — Мой возраст не делает меня некомпетентной.

Гнев вспыхнул в его голубых глазах. Ветров не привык, когда ему перечат.

— Я впускаю этого человека в свой дом, под одну крышу с моей дочерью. Неважно, чем она будет заниматься — уборкой или готовкой. Мне нужен положительный пример для ребенка. Думаете, я к этому отношусь легкомысленно?

— Нет, — отвечаю коротко. *Ты вообще ко всему относишься слишком серьезно, приятель...*

— Тогда почему вы считаете себя квалифицированной, Каримова?

Мы стоим друг против друга.

Я пообещала себе: ни один мужчина больше не заставит меня чувствовать себя ничтожеством.

— Можно просто Ясмина, — говорю с вызовом. — Я не миллионер, Кирилл Андреевич, и у меня нет диплома детского психолога. Но это не значит, что я ненадежная работница.

— Это мне решать, — хмурится он.

Вешать лапшу на уши бессмысленно — лучше говорить правду, из того, что есть.

— Хорошо. Признаюсь: у меня не так много опыта гувернантки, но я помогала растить трех младших братьев, и они еще те сорванцы, — говорю прямо. *«Не так много» — мягко сказано; по сути, опыта почти нет.*

Он издает короткий звук, будто не впечатлен.

— Вообще-то я столяр, — добавляю затем, оценивая его реакцию и стараясь подать это как преимущество. — Может, не самое обычное достижение, но я считаю, что это хороший пример: женщина в рабочей профессии. И Марк говорил, вам нужен человек срочно. Я могу приступить сегодня.

Затаиваю дыхание и не отвожу взгляд. Не сдамся без боя.

— Столяр? — переспросил он коротко, как будто не услышал.

Я держу оборону, глядя ему в глаза. Мне приходилось слышать, что столярка — не женское дело.

— Да, — отвечаю ровно.

Ни он, ни я не моргаем.

— Хм-м. Похвально, — неожиданно говорит он, и в его тоне слышится уважение.

Я слегка ошарашена.

— Как вы стали столяром? — спрашивает он уже с интересом.

— Бросила школу в шестнадцать. — Я нервно тереблю нитку на юбке. — Учеба давалась нелегко, но мне нравилось мастерить. После школы устроилась в мебельный магазин в Ташкенте на административную работу и наблюдала за столярами. Потом начала пробовать сама, делать простую мебель. Не поверила, когда меня приняли на курсы по столярному делу. — Я улыбаюсь, вспоминая тот день, когда пришло письмо.

— Покажите портфолио, — коротко попросил он.

— Портфолио? — переспрашиваю, немного растерявшись.

— Да, ваши работы. То, что вы делали, — говорит он, делая жест рукой, как будто я должна сейчас вытащить папку из воздуха.

Я не была готова, но достаю телефон и показываю фотографии. Сердце колотится, ногти давно сгрызены, пальцы чуть дрожат, пока он листает снимки с непроницаемым выражением лица.

— Я планировала создать что-то более серьезное, например магазин в интернете, — говорю, чувствуя, как угасает энтузиазм от его бесстрастной реакции.

Он отрывает взгляд от экрана.

— Почему вы не пробовали открыть свое дело?

— Пробовала, — ворчу я. — Не получилось.

Пожалуйста, закроем эту тему. Я пришла не строить вам бизнес, а убирать дом и смотреть за ребенком.

— Почему не получилось? — спрашивает он ровно.

— Мы с партнером не сошлись во взглядах, — говорю я коротко.

Мой бывший уговорил меня начать дело в прошлом году — на то, на что я сама бы не решилась. Несколько лет я подрабатывала в мебельном магазине и делала шкафы на заказ. Он предложил: «Мы будем командой, ты рукодельница, я — по деньгам». Я доверилась и отдала ему накопленные сто пятьдесят тысяч рублей, которые копила три года. Он говорил про «инвестиции в маркетинг», а через пару месяцев просто ушел.

Поэтому уехала в Москву, ведь все дома знают о провале.

Он возвращает мне телефон, и я выдыхаю чуть свободнее.

— Не моя целевая аудитория, но работы хорошие, — говорит он. — Нужно ли мне знать о вас еще что-то, Ясмينا? Необычные увлечения? Чем вы занимаетесь в свободное время? Лучше, если вы скажете сами.

— Нет, — отвечаю я, и сердце подскакивает при мысли о той глупой истории с партнером. — Все хорошо. Я простая девушка, приехала из Узбекистана и хочу заработать честным трудом.

Он молчит и смотрит на меня долго и внимательно.

— Вы обученная столярша, но устроились домработницей, — констатирует он спокойно, приподняв бровь.

— Я не оставляла профессию, — раздраженно отвечаю я. — Моя цель — построить жизнь в Москве, заниматься любимым делом. Мне нужно понять путь от точки «А» до точки «Б».

— Работа требует полной отдачи, — произносит он. — Вы будете жить здесь, быть на связи почти круглосуточно. Если думаете, что останется время на столярку, тогда это не для нас. Я плачу вам за то, чтобы вы были всегда под рукой.

— Я могу быть у вас под рукой, Кирилл Андреевич, — отвечаю без запинки. Наши взгляды встречаются. Интересно, случилось ли когда-нибудь, чтобы он улыбнулся? Я понимаю: Ветрову надо научиться расслабляться.

— Марк, — продолжает он, — очевидно, видит в вас перспективу. Я доверяю его суждению. — Ветров откидывается в кресле, закидывает ногу на ногу. — Вы будете работать пять дней в неделю, но должны быть гибкой. Сотрудники у меня активные, скрупулезные, умеют проявлять инициативу. Это касается и домашнего персонала. Если я говорю: «Будьте там-то и тогда-то», — я ожидаю увидеть вас за десять минут до назначенного времени. Если прошу что-то сделать — прошу один раз.

Если он так говорит, значит, шанс у меня еще есть?

— Есть, Кирилл Андреевич! — отвечаю я и приглаживаю юбку ладонями; чувствую себя призывницей перед строем.

— У вас будут отдельные апартаменты, — говорит он. — Все оплачено. Питание и расходы покрываются сверх зарплаты.

Я пытаюсь не выпасть в обморок. Зарплата и отсутствие коммунальных счетов... да, это звучит как мечта: я, эмигрантка из Ташкента, и стабильная работа в Москве.

Ветров держит невозмутимое лицо. Не удивительно, что у него дела идут в гору: с такой маской легко вести серьезный бизнес. Его система безопасности в доме, кажется, проявляла ко мне больше эмоций, чем он сам.

Я — полная противоположность. У меня лицо — открытая книга.

— Вы на испытательном сроке.

— Конечно, — киваю, задыхаясь от волнения. Я сделала это. Я получила эту работу. — На какой срок?

— На столько, сколько я посчитаю нужным, — отвечает он. Ветров встает с дивана, подходит к большому стеклянному столу у окна, берет толстую папку и телефон, возвращается и вручает мне. — Это ваше руководство, составленное моей многолетней помощницей Фатимой Дальниковой. Здесь перечислены все ваши обязанности.

Я бережно принимаю тяжелую папку, а он нависает надо мной, руки в карманах, следя за каждым моим движением. Уже второй раз за собеседование мне приходится сидеть слишком близко к его ширинке — неприятное ощущение.

— Она очень педантична, — бормочу, пролистывая страницы не вчитываясь. Ненавижу, когда при мне нужно читать.

— Такого качества я и жду от своей команды. Имейте в виду, — сухо говорит он.

— Да, разумеется. — Моя улыбка напряженная. — Я все усвою.

— Сегодня вечером, пожалуйста, ознакомьтесь, — продолжает он, — завтра вы приступаете с утра. — Бровь его приподнимается. — У вас есть парень?

Я качаю головой и краснею.

Ветров засовывает руки в карманы и подходит к окну, останавливается и смотрит на Москву-реку.

— Любого, с кем вы встречаетесь, мы проверим. Свидания — за пределами дома. Я не разрешаю мужчинам оставаться, даже в комнате для персонала. Жесткое правило ради моей дочери.

— Поняла, — говорю я. Я переживу отказ от личной жизни, если это значит жить в приличном жилье и иметь работу.

Он поворачивается ко мне.

— Я доверяю своим сотрудникам, но если вы нарушите это доверие — охрана будет здесь в считанные минуты. На территории установлены камеры.

— Во всех комнатах? — спрашиваю я, уже представляя себе мытье туалета под камерами безопасности.

— Нет, не в ваннах и не в ваших апартаментах, — уточняет он. — Но в остальных местах — да. Это исключение ради безопасности: и вашей, и нашей с Алсу. В каждой комнате есть тревожная кнопка. Моя команда покажет, как ей пользоваться. Вы также установите приложение на телефон, чтобы в экстренном случае вызвать охрану.

— Тревожные кнопки? — повторяю я, ошеломленная.

— Я на виду, — спокойно говорит он. — Это издержки профессии. Я хочу, чтобы вы чувствовали себя дома в безопасности.

Первое проявление сочувствия, которое я слышу от него.

— Я не собираюсь нарушать ваше доверие, — говорю я твердо.

— Рад, что мы понимаем друг друга, — кивает он и указывает на лежащий рядом телефон. — Это ваш телефон. Я ожидаю, что он всегда будет при вас.

В этот момент раздается стук в дверь. Я оборачиваюсь — в комнату входит Шамиль, славный молодой человек, который привез меня из Люберец.

— Кирилл Андреевич, — коротко говорит он. Ветров кивает ему и снова обращается ко мне.

— Шамиль проводит вас в комнату. Алсу сейчас у бабушки, так что с ребенком вы пока не познакомитесь. Шамиль покажет вам жилье и настроит доступ на территорию. Остаток вечера — ваш, устраивайтесь, Каримова.

Как бы ни раздражала меня фамилия, произнесенная его низким голосом, в ней есть что-то внушительное. Я вдыхаю глубоко и иду за Шамилем.

— Зовите меня просто Ясмينا. Никто не называет меня «Каримовой».

— Ясмина.

У меня по спине пробежал легкий холодок. Он провел рукой по челюсти, будто проверяя себя в зеркале.

— Для вас — Кирилл Андреевич, — сухо объявил он.

Я начала смеяться, потом замолчала: ему это явно не показалось смешным.

— О... извините, я думала, вы шутите.

— Я похож на клоуна? — спросил он и посмотрел так, что мои нервы сдали бы и без того.

— Нет, — хрипло ответила я. — Кирилл Андреевич. С нетерпением жду начала работы.

Уголок его рта чуть дернулся.

— Жду вас завтра в пять утра.

Стоп. Пять утра? Я всерьез пыталась не показывать реакции. Кому нужна домработница в пять утра? Видимо, у них так заведено.

Ветров сухо кивнул и ушел.

— Готова? — в дверях спросил Шамиль и улыбнулся с таким сочувствием, что у меня заложило уши.

Слишком уж сочувственно.

Глава 6

Шамиль ведет меня в подвал.

Буквально. Спускаемся на лифте на минус первый этаж, и я уже морально готовлюсь увидеть каморку с одним окном под потолком, продавленным диваном и вечным запахом сырости.

— Твои новые хоромы, — улыбается Шамиль, распахивая дверь.

Я замираю на пороге.

Святые лепешки!

Это не подвал. Это... *это просто космос*. Просторная студия с высокими потолками, окнами почти в пол — да, они выходят в небольшой внутренний дворик, но все равно! Красная кирпичная стена, дизайнерский свет, кухня-гостиная с огромным белым диваном. В спальне — кровать таких размеров, что на ней можно утонуть. Ванная комната с душевой кабиной и отдельной ванной.

Я медленно прохожу внутрь, боясь дотронуться до чего-нибудь и понять, что это мираж.

— Это... это все мое? — мой голос звучит как-то по-детски, с придыханием.

— Твое, — Шамиль приваливается плечом к дверному косяку, наблюдая за моей реакцией. В глазах пляшут смешинки.

— *Уа, бля...* — выдыхаю я по-узбекски, потом спохватываюсь: — То есть... ничего себе.

Шамиль понимающе усмехается.

— Расслабься, я тоже узбек, хоть и Шамиль. Бабушка татарка была, отсюда имя. Так что можешь при мне не стесняться в выражениях.

Я нервно хихикаю и плюхаюсь на диван.

— Зухра обделается, когда узнает, — бормочу я, оглядывая студию. — Мы с ней в Люберцах вдесятером в комнате ютились, а тут...

— Привыкай, — пожимает плечами Шамиль. — Ветров не скупится на персонал. Особенно на тех, кто с его дочерью работает.

Я вспоминаю хмурый взгляд Кирилла Андреевича и сомневаюсь, что он вообще на что-то скупится. Но говорю другое:

— А ты давно на него работаешь?

— Пятый год.

Я присвистываю.

— Ого. Значит, он не такой уж монстр, если люди по пять лет держатся.

Шамиль хмыкает.

— Скажем так: он сложный, но справедливый. Если ты на его стороне и делаешь свою работу — он горой за тебя. Если облажалась — лучше сразу собирай вещи.

Обнадежил, называется.

— А Фатима Дальникова? Которая до меня была? Она что, облажалась?

— Нет, — Шамиль качает головой. — У нее дочь серьезно заболела. В Питер увезла, в клинику. Ветров оплатил лечение. Самолет, перелет, все за свой счет.

Я замолкаю, переваривая информацию. Оплатил лечение? Этот ледяной человек, который смотрит на меня как на таракана, случайно заползшего в его дом?

— Он... непростой, — осторожно говорю я.

— Угу, — Шамиль усмехается. — Это ты еще не видела, как он на Алсу смотрит. Тает прямо.

Представить Кирилла Ветрова тающим... нет, не получается. Это как представить ворчуна, который решил подобреть.

— Ладно, — Шамиль отлепляется от косяка. — Устраивайся. Завтра в пять утра, не забыла?

Я закатываю глаза.

— Как такое забудешь.

Он уже уходит, но в дверях оборачивается.

— И, Ясмينا... — голос его становится серьезным. — С ним правда сложно. Но если хочешь совет — просто будь собой. Он это ценит. Фальшь он чует за километр.

— А ты откуда знаешь? — интересуюсь я.

— Пять лет, — пожимает плечами Шамиль. — Спокойной ночи.

Дверь закрывается, и я остаюсь одна в этой роскошной подземной квартире.

Просто будь собой.

Легко сказать.

Я падаю на кровать, раскинув руки в стороны, и чувствую, как матрас мягко проминается подо мной. *В такой кровати можно заблудиться.* В Люберцах у меня была раскладушка, которая скрипела при каждом движении, а здесь...

Здесь пахнет свежестью и деньгами. И где-то наверху, в этом огромном доме, ходит человек с арктическими глазами, от одного взгляда которого у меня подкашиваются колени.

Что я здесь делаю?

В Ташкенте у меня была мастерская, мама, братья, бабушка Ойша с ее бесконечными пирожками. Здесь — никого. Чужой город, чужой дом, чужой, пугающий мужчина, от которого зависит моя судьба.

Просто будь собой.

А кто я, собственно, такая? Девушка из Узбекистана, которая умеет строгать дерево и мечтает о красивой жизни. Которая облажалась с бизнесом, влюбилась не в того и сбежала на край света в поисках... чего? Себя? Лучшей доли? Или просто от стыда?

Ответа нет. Есть только эта роскошная комната, инструкция размером с телефонный справочник Ташкента и пять утра завтрашнего дня.

Я переворачиваюсь на живот, достаю телефон и набираю Зухру.

— Ну че? — орет она в трубку, и я слышу знакомый гул голосов. «Старая крепость», конечно. — Как там твой миллионер?

— Зухра, — говорю я трагическим шепотом. — У меня тут отдельная квартира в подвале. С диваном за полмиллиона рублей.

— Чего-о-о?

— И кровать, на которой можно потеряться.

— Ты пьяная?

— Трезвее всех трезвых.

Зухра молчит секунду, потом выдает:

— Слышь, Руслан тут стоит, уши развесил. Говорит, скучает.

Я закатываю глаза, хотя она этого не видит.

— Передай Руслану, что я буду скучать по нему из своей кровати за полмиллиона.

— Злая ты, — констатирует Зухра, но в голосе слышна улыбка. — Ладно, давай, осваивайся. Завтра позвонишь, расскажешь, как прошел первый день.

— Если меня не уволят через пять минут после начала.

— Не переживай, подруга. Ты — узбечка, мы любые испытания выдержим.

Я улыбаюсь в темноту.

— Спокойной ночи, Зухра.

— Спокойной ночи.

Телефон гаснет, и я снова остаюсь одна. Пытаюсь уснуть, но сон не идет. Перед глазами стоит его лицо и холодный взгляд.

Просто будь собой.

Легко сказать, когда он смотрит на тебя как на ошибку кадрового отдела.

Я зарываюсь лицом в подушку и заставляю себя не думать. Не думать о завтрашнем дне. Не думать о нем. Не думать о том, что через семь дней моя регистрация истекает, и если я облажаюсь — меня вышвырнут из страны быстрее, чем я скажу «самса».

Все будет хорошо, — шепчу я себе. — Все будет хорошо.

Но внутри что-то екает. Потому что я знаю: с этого момента моя жизнь перестанет быть прежней.

Вопрос только, в какую сторону она повернет.

Глава 7

Телефонный звонок резко обрывает сон.

Я подскакиваю на кровати, не понимая, где я и который час. Сердце колотится где-то в горле. На экране высвечивается незнакомый номер, но я уже знаю — это он.

— Алло? — хриплю спросонья.

— Подъем, — раздается в трубке низкий голос. Без приветствий, без объяснений. Просто «подъем». — Через полчаса жду на кухне.

И гудки.

Я смотрю на телефон как на предателя. Полчаса? На часах половина пятого утра. *Половина пятого, мать его, утра!*

Вскакиваю, натягиваю первое, что попадает под руку, — вчерашние лосины и футболку, на ходу натягиваю длинный кардиган, который урвала на распродаже перед отъездом.

Влетаю в кухню ровно через двадцать девять минут. Запыхавшаяся, взлохмаченная, с остатками сна на лице.

Он уже там.

Сидит за огромным островом с чашкой кофе и смотрит в ноутбук. Даже не поднимает головы, когда я влетаю.

— Опоздала, — констатирует он.

— На минуту, — выдыхаю я.

Теперь он поднимает взгляд. И я понимаю, что совершила ошибку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.